

СУББОТНЯЯ ВСТРЕЧА

Моск. Комсомолец — 1999 — 4 сент. — с. 2.

Муслим МАГОМАЕВ: "В Кремле мы пели под "фанеру"

Люди, подобные певцу Муслиму Магомаеву, как это ни пафосно звучит, олицетворяют собой эпоху: советская песня, адаптированный для народа классический репертуар, "железный занавес", неумный контроль музыковедов в штатском... Магомаев с его чувством юмора, которое проявилось задолго до перестройки, было идеализировано. Голос — свободно конвертируемая валюта для любого строя, страны и времени. Народный артист СССР Магомаев просто пел — по всему миру и по республикам бывшего Союза. При этом певца если не любили, то уважали даже самые закоренелые "альтернативщики". А те, кто предпочитает разбавлять искусство рассказами о закулисной жизни артистов, передавали из поколения в поколение красивую историю романа талантливого азербайджанского юноши и молодой певицы Тамары Синявской. Как сказали бы по отношению к политике — харизма идеальная. Каждое лето Магомаев и Синявская живут на одной из правительственных дач азербайджанского президента Гейдара Алиева. В республике необыкновенно чтут своего Муслима.

Я — ТВОЙ ПРЕДАННЫЙ ОРАВИ

— Традиция правительственных концертов окончательно канула в Лету?
— Отличие нынешних официальных мероприятий от тех, которые были раньше, хотя бы в том, что на них почти не появляется глава государства. Сейчас чаще остальных видно Лужкова и Черномырдина. А раньше на всех кремлевских концертах обязательно присутствовали генеральные секретари. Правда, артистов просили, чтобы концерт был как можно короче, чтобы генсеки не засыпали. И выйти кое-куда им надо было. Пришлось бы поднимать целый ряд охраны и членов Политбюро.
Тогда на расстоянии пушечного выстрела к Красной площади не подпускали эстрадных певцов. И никому не разрешили петь живьем. Микрофоны были отключены. Весь концерт шел в записи, вплоть до объявления номеров. От и до шла "фанера". Наверное, боялись: вдруг я на проигрывщике оркестра научу объясняться в любви Леониду Ильичу... А сейчас — пожалуйста: вытаскивай кого хочешь на сцену плясать. Хоть мэра, хоть премьера.
Тамара Синявская принесла нам кофе со сладостями. Объяснила, что "сынуля" — их пудель Чарлик — накормлен и она уходит.
— Известно, что перед выборами артистов начинают "ангажировать" предвыборные блоки. Вы лично для кого будете петь?
— Я, как правило, стараюсь слышать. Но и других не критикую. Великий Тосканини, когда в Италии начался фашизм, уехал из страны, не мог смириться. А другой великий певец — Джилли — остался. Выступал и перед Гитлером, и перед Муссолини. Он был просто певцом.
Вы поймите, для нас, артистов, все зрители одинаковы. Сегодня артист вышел петь перед НДР, завтра перед "Яблоком", послезавтра перед ЛДПР. В зале в любом случае сидят люди, публика, которой нравится конкретный артист.
— Но вы тем не менее от политиков стараетесь держаться подальше.
— Среди них есть такие, к кому я отношусь с большим уважением. И для них бы спел. Но если я

сейчас вам буду говорить, для кого бы я спел, а для кого нет — это была бы уже реклама.
— То есть сейчас у вас спокойный период почивания на лаврах?
— К сожалению, нет. Время теперь еще более неспокойное, чем раньше. "Летят" многие концерты, и не только у меня. Развелось много всяких фирм, которые берут на себя ответственность организовывать гастроли, абсолютно не понимая, как это делается. Порой бесстыдно обманывают. Например, долго просят выступить, называют даты, уговаривают. Ты едешь, выступаешь. А потом они либо начинают проворачивать какие-то аферы с оплатой, либо просто говорят, что спонсор отказал. А если, наоборот, артист не смог выступить, требуют неустойку. Поэтому нервотрепки достаточно. Особенно после 17-го августа прошлого года... Моего, кстати, дня рождения. Что за день такой мне достался? Путч, дефолт, землетрясение в Турции. Может, не праздновать этот день?
— А если абстрагироваться от всех катаклизмов? Путешествовать, жить в свое удовольствие. Вы же можете себе это позволить.
— Честно говоря, ездить не люблю. Я — домашний. Вернулся к прежнему увлечению рисованием. У меня тут мольберт, кисти, компьютер.
— У меня и игры-то играет?
— Нет. Боюсь втянуться. Может, потом, когда уж совсем делать будет нечего... Когда появились разные детские видеоприставки, мы с друзьями сидели перед телевизором днями и ночами. Не могли оторваться...
Интернет — тоже очень заразная вещь. А вот чем я по-настоящему увлечен — это музыкальная программа, на которой я сочиняю оркестровые фонограммы.
Еще рисую на компьютере. Делаю наброски для моих картин. Потом переношу изображение на мольберт. Могу свой рисунок перенести в компьютер. Посмотреть, где что нужно подправить. Правда, такие художники, как Шилов, такое гневно отвергают. Но мне так удобно.

— А казино, карты?
— Да ну их, зачем лишний раз нервничать.
— Чарлик — как член семьи?
— Как ребенок в доме — трясемся над ним. Мы давно собирались кого-нибудь завести. Правда, Тамара хотела кошку. Теперь я Чарлику всегда говорю: "Вот ты маму любишь, а она кошку хотела купить". Я сразу решил, что у нас будет собака.
Тамару он обожает. Меня тоже, но побаивается. Я его пару раз газеткой шлепнул, и он теперь знает, что с отцом лучше не связываться. Если я приказываю "Чарлик, на диван!" — он мигает, а Тамаре его долго приходится упрямить. Вот мы с вами разговариваем — он понимает, что не до него. И мамка ушла куда-то. Отец не обращает внимания. Да, Чарлик? Скоро мамка придет...
Мы его по всем странам таскаем. Он у нас и в Израиле был, и в Германии, и в Швейцарии. Везде, куда можно с животными. Нам из Штатов человек 10 разных антрепренеров звонили. Но мы не поехали — в салон самолета с собаками не пускают, надо сдавать в специальное отделение.
— У вас в доме есть какие-нибудь памятные коллекции? Музей подарков, например?
— Что вы? Я даже вырезки газетные о себе никогда не собирал. Только мой дядя, а потом и Тамара. Я всегда говорю — если история о нас когда-нибудь вспомнит, все само найдется. А если бы я в доме держал подарки, пришлось бы у Лужкова еще одну квартиру просить. Шахтерские каски, фонари, узбекские халаты, вазы, какие-то самородки — из каждой республики привозил.
— И куда же все это делось?
— Раздарил постепено. Я вообще не люблю, когда в доме много вещей. Беспорядок у меня только в кабинете. Творческий.
Идем в комнату. На полу и стенах — картины Магомаева: портрет супруги, композиторов — Верди, Чайковского.
— Бетховен что-то не получился, я его сотру. Вот Верди удался.
— А как насчет более грубой, хозяйственной работы?
— Обожаю, но тоже по настроению.
— Многие знаменитости считают, что не по чину им самим брать в руки молоток.
— Я не такой. Но и не люблю заниматься тем, что требует скрупулезности. Я не мог смотреть, как сосед с каким-то нечеловеческим упорством осваивал кубик Рубика. Он сидел с ним целыми днями, пока не научился с закрытыми глазами собирать самый большой и сложный куб. А у меня терпения совершенно нет. Либо сразу должно получиться, либо я тут же бросаю.
— На репетициях разве терпение не требуется?
— Ну, это же профессия... Я говорю о другом. Вот сделать рамку для картины не могу. Вернее, знаю как, но все нервы себе перепорчу. Потому что здесь нужна точность — сточить под определенным углом, закрепить. Поэтому обычно звоню соседу Славе, и он мне помогает.
Но я один раз разозлился — почему это Слава все умеет, а я нет. И началось. (Показывает на стены. — Н.К.) Вот, все я прибил сам. Эти позолоченные багеты вырезал и набил. А там на обоях — видите? — моя идея: сложил вместе бордюры и наклеил вдоль стены.
— Похоже, вы — любитель классического стиля.
— Да. Американская манера мне тоже нравится — когда сплошные белые стены, и посреди висит нечто абстрактное. Но я бы так оформил свой загородный дом.
— А под Москвой у вас дачи нет? Только в Баку?
— Мы время от времени живем в Жуковке. Дачу нам сдает Управление делами президента.
— Получается, гостите у глав сразу двух стран.
— Да. Но здесь мы только гости. Завтра что-то в стране случится, придется быстро вещи собирать.
— Что, ваш прогноз такой пессимистический?
— По-житейски — мне ни те времена не нравятся, ни эти. Те — сами понимаете почему. Постоянно нас проверяли — что петь, как, где. Вспомните, куда мы ехали. Нет ли там чего-нибудь, порочащего нашу партию? Недоплачивали постоянно. Следили, чтобы, не дай Бог, кто-нибудь коллежку лишнюю не получил. А теперь — что? Полное невнимание к искусству. Что я сегодня услышал? Кошмар! Светлана Светличная спокойно сказала, что ей не хватает на жизнь, и поэтому она ходит к кому-то убирать квартиру. Или Слава Тихонов — популярней не было актера — тоже кое-как перебивается.
— А если вам обзавестись директором, проверенным человеком, который устраивал бы ваши концертные дела?
— Если бы у меня была постоянная концертная деятельность, я бы так и поступил.
— Вы как-то обмолвились, что вас уже ничем удивить нельзя. Неужели действительно ничем?
— Только одним — если мне дадут миллион долларов на мелкие расходы. А так, ну что? Машины у меня есть — "Мерседес" и джип "Шевроле блейзер". С дачей мы перебежались. Построимся.
А на жизнь — всегда наскребем. Да у нас не такие уж широкие замашки. Чтобы Тамара ходила каждый день себе покупала бриллианты — такого нет. Слава Богу, с женой мне в этом отношении повезло. Она любит красивую бижутерию. Хотя не дешевой, конечно. Мы примерно раз в год выезжаем в Германию. Тамара накупает столько всего...
— И это называется — скромные запросы?
— Просто это женский подход. Поэтому лучше, когда я иду вместе с ней. Мне с мужским взглядом сразу видно, что ей может подойти, и, как правило, попадаю в точку. Мне достаточно на покупку одного дня. Я иду в магазин и сразу набираю там пять-шесть пиджаков, костюмов, уюхо и сиду, жду Тамару в гостинице. А она может ходить три-четыре дня. Тогда я беру ее за руку и говорю: "Так, берем это, это и это". "Это", естественно, оказывается самым дорогим. Но то, что надо. И действительно эти вещи она носит. И они не выходят из моды.
— Последнее слово всегда за вами? Куда ехать отдыхать, тоже решаете вы?
— Летом мы традиционно ездим в Баку. Рядом с нами прекрасный песчаный пляж, пять-шесть человек народу, спокойно плещаемся, загораем. Я, правда, лежать на солнце не люблю — не хочу быть черным. Надоело — пошли покушали шашлык, или Тамара сама что-нибудь приготовит. Поэтому нам ехать куда-то в феенебельные курорты, где ходят незнакомые люди, которые цепляют на пляж бриллианты, а потом долго ищут их под водой, нет никакого смысла. Не могу сказать, что я не коммуникативный какой-то — просто не люблю новых людей. Особенно в большом количестве.

Наталья КИЛЕССО. Фото из семейного архива Муслима Магомаева и Тамары Синявской.